

18+

Ани Талан

Маска мести

Цена любви

Часть вторая

Ани Галап

**Маска мести. Цена
любви. Часть вторая**

«Издательские решения»

Галап А.

Маска мести. Цена любви. Часть вторая / А. Галап —
«Издательские решения»,

Пятнадцать лет спустя тени прошлого возвращаются. Лия и Нолан любят друг друга, но их счастью мешает ревность Фриды. Маккена разлучает влюблённых, отправляя Нолана в Боббио. Но ни расстояние, ни козни не могут уничтожить их любовь. Когда Лию насильно пытаются выдать замуж за другого, Нолан решается на отчаянный шаг. Однако цена окажется выше, чем кто-либо мог предположить. «Цена любви» — история о том, что иногда любовь требует жертв, которые не каждый готов принять.

© Галап А.

© Издательские решения

Содержание

Пролог	6
Глава 1. «Пятнадцать лет спустя»	7
Глава 2. «Неразлучные тени»	12
Глава 3. «Яблоко раздора»	16
Глава 4. «Прощание у алтаря»	18
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Маска мести. Цена любви. Часть вторая

Ани Галап

© Ани Галап, 2026

ISBN 978-5-0070-7092-8 (т. 2)

ISBN 978-5-0070-5853-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Маска мести. Цена любви».

Автор
Ани Галап

Пролог

«Любовь — это самая прекрасная и самая опасная сила в этом мире. Она способна вознести человека к небесам, подарить ему свет, тепло и смысл существования. Но та же любовь может стать бездной, в которой растворяется душа, превращаясь в тень самой себя.

Ревность — тень, следующая за любовью. Она рождается из страха потерять, но перерастает в ненависть к тем, кто, как кажется, угрожает нашему счастью. Ревность разрушает не только отношения, но и саму душу, оставляя после себя лишь пепел.

Каждый из нас носит маску. Мы надеваем её, чтобы скрыть свои истинные чувства, защитить себя от боли, казаться сильнее. Но маски имеют свойство прирастать к лицу. А когда они падают, мы остаёмся перед миром такими, какие есть — уязвимыми, испуганными и отчаянно ищущими спасения.

Ибо в потемках моей души я нашла не только тьму, но и свет. И этот свет я хочу подарить вам».

Глава 1. «Пятнадцать лет спустя»

Пятнадцать лет прошло с того дня, когда маленькая Лия, держась за руки с Ноланом и Фридой, бегала по саду, и смех её разносился по поместью, как звон серебряных колокольчиков. Пятнадцать лет — срок, достаточный для того, чтобы дети, бывшие когда-то такими беззаботными и наивными, превратились во взрослых, чьи сердца уже познали и любовь, и боль, и ту особенную, тихую тоску, которая приходит с годами и остаётся навсегда. Пятнадцать лет — время, за которое трава покрывает старые могилы, а новые побеги пробиваются сквозь пепел, время, за которое шрамы затягиваются. Но боль, та самая, глубинная, остаётся в душе, как тень, которая не исчезает даже в самый яркий полдень.

Поместье, которое когда-то было для Маккены убежищем от ужасов прошлого, теперь стало её домом, её крепостью, её миром. Она чувствовала себя здесь защищённой, как в коконе, который соткала из своей любви, своих страхов и своей надежды. Сад, который она так любила, за эти годы разросся до невероятных размеров. Старые дубы, посаженные ещё её отцом, королём Натаном, стали настоящими великанами, чьи могучие кроны создавали непроницаемую тень в самые жаркие летние дни, и под их сенью можно было укрыться от знойного солнца, как под крылом заботливой матери. Их корни, старые и узловатые, уходили глубоко в землю, словно держали этот мир на своих плечах, не позволяя ему рассыпаться. Кусты роз, которые когда-то были такими нежными и хрупкими, теперь цвели с неистовой силой, и их аромат, сладкий и терпкий, наполнял воздух, смешиваясь с запахом мёда и свежескошенной травы. Белые, алые, розовые — они росли повсюду, и их лепестки, опадая, устилали дорожки живым, ароматным ковром, который хрустел под ногами, напоминая о быстротечности жизни и красоты. Фонтан, который когда-то журчал робко и неуверенно, как дитя, только начинающее говорить, теперь бил высоко и звонко, и его вода, сверкая на солнце, разбивалась на тысячи мелких брызг, которые переливались всеми цветами радуги, словно драгоценные камни, рассыпанные по воздуху. В его шуме слышалась та особенная, успокаивающая музыка, которая сопровождала каждый день, каждую мысль, каждое дыхание Маккены.

В доме тоже многое изменилось. Здесь уже не было той суеты, которая сопровождала маленьких детей; теперь здесь царила та особенная, взрослая тишина, которая бывает только в домах, где дети выросли и живут своей жизнью, где смех и плач уступили место тихим разговорам и долгим размышлениям. Стены, помнившие когда-то топот маленьких ножек и звонкие голоса, теперь хранили лишь эхо тех дней, которые уже не вернуть. Мебель, старинная и добротная, стояла на своих местах, и её дерево, отполированное временем и заботливыми руками, излучало то особенное, тёплое сияние, которое бывает только у вещей, переживших многое. Шторы, некогда светлые и лёгкие, теперь были более тёмными, более плотными, словно защищали дом не только от солнца, но и от тех теней, которые всё ещё витали за его пределами.

Маккена, которой теперь было уже за сорок, выглядела удивительно молодо, хотя её виски уже тронула ранняя седина — память о тех страшных годах, когда она боролась за выживание, когда каждый день был битвой, а каждая ночь — испытанием. Её лицо, всё такое же тонкое и благородное, хранило следы пережитых страданий, но в нём не было той острой, режущей боли, которая когда-то искажала его черты. Теперь оно было спокойным, почти безмятежным, как поверхность глубокого озера, под которой скрываются и тайны, и сила. Она была всё так же красива, но в её красоте появилась та глубокая, спокойная мудрость, которая приходит с годами, когда женщина много пережила и многое поняла, когда она научилась при-

нимать жизнь такой, какая она есть, и находить в ней радость даже тогда, когда кажется, что её больше нет.

Её глаза, тёмные и глубокие, как бездонные колодцы, теперь смотрели на мир с той особенной ясностью, которая бывает у людей, видевших смерть и не испугавшихся её, у людей, которые знают цену каждой минуте, каждому вздоху, каждой улыбке.

Никанор стал ещё более суровым и серьёзным. Время наложило свой отпечаток на его лицо: глубокие морщины пролегли вокруг глаз и губ, придавая ему вид человека, который многое видел и многое обдумал. Его волосы, некогда золотистые, как пшеничное поле, теперь были тронуты сединой, которая серебрилась на висках, словно иней на осенней траве. Но его плечи оставались такими же широкими, а взгляд — таким же твёрдым, как сталь. Он всё ещё был тем воином, который когда-то поклялся защищать Маккену и её семью, и он держал своё слово, как держат данную клятву. Его любовь к ней не ослабла за эти годы; напротив, она стала более глубокой, более тихой, более зрелой, как вино, которое с годами приобретает особенный, благородный вкус. Он часто смотрел на неё и улыбался той особенной, понимающей улыбкой, которую понимают только те, кто прожил вместе долгую жизнь, кто делил и радости, и горести, кто знает все привычки, все слабости и все сильные стороны друг друга. И в этой улыбке было больше любви, чем в самых страстных словах.

Фрада, которая когда-то была такой деятельной и энергичной, теперь стала более спокойной и задумчивой. Годы, прожитые в тишине и молитвах, сделали её мягче, как будто время сгладило острые углы её характера. Она всё ещё помогала Маккене по хозяйству, но её мысли часто блуждали где-то далеко — быть может, в тех днях, когда она была молодой и полной надежд, или в тех тайнах, которые она так и не раскрыла до конца. Её лицо, изборождённое морщинами, хранило ту особенную, тихую печаль, которая бывает у людей, знающих больше, чем говорят. Она часто смотрела в окно, и её взгляд, устремлённый вдаль, казалось, видел не просто сад, но те годы, которые уже не вернуть. Иногда, когда она думала, что никто не видит, она касалась пальцами старого, истрёпанного молитвенника, который лежал у неё на коленях, и губы её шевелились в беззвучной молитве. И в этих молитвах, быть может, она просила прощения за то, что когда-то совершила, или за то, что не совершила, но должна была.

Но главное, что изменилось за эти пятнадцать лет, — это дети. Они выросли. И теперь их судьбы, переплетённые с самого детства, вступали в новую, более сложную фазу, где любовь и ненависть, верность и предательство были переплетены так тесно, что невозможно было отделить одно от другого, как невозможно отделить свет от тени.

Лии исполнился двадцать один год. Она была не просто красивой — она была неземной, почти сверхъестественной красоты, которая останавливала взгляд каждого, кто видел её, и заставляла замирать даже тех, кто был далёк от всяких поэтических чувств. Её волосы, тёмные и блестящие, как шёлк, спадали на плечи мягкими волнами, и в них, когда падал свет, переливались золотистые и каштановые оттенки, как будто сама природа наделила её своей самой драгоценной краской. Её глаза, большие и тёмные, с длинными, пушистыми ресницами, смотрели на мир с той особенной глубиной, которая заставляла думать, что она видит что-то, чего не видят другие, что она знает тайны, скрытые от обычных смертных. Её кожа была светлой и нежной, как лепестки белых лилий, и на её щеках всегда играл лёгкий румянец, который делал её похожей на утреннюю зарю, только что родившуюся из ночи. Её улыбка была открытой и тёплой, и когда она улыбалась, казалось, что даже сама природа замирала, любуясь ею, и ветер стихал, и птицы умолкали, чтобы услышать её голос. Но в её глазах, таких ясных и чистых, иногда мелькала тень — тень того, что она видела, того, что она знала, того, что она не могла

объяснить словами. Её дар видеть умерших, который она обнаружила в себе ещё в детстве, стал сильнее. Она видела их почти каждый день — они приходили к ней, когда она гуляла в саду, когда сидела у окна, когда просыпалась среди ночи. Они не пугали её; они казались ей такими же естественными, как птицы или деревья, как ветер или дождь.

Она говорила и они отвечали ей, и их голоса были тихими, как шёпот листьев, но в них слышалась та особенная, древняя мудрость, которая приходит только с уходом из этого мира. Но она знала, что этот дар был не случаен, что он был связан с той ночью, когда её мать заключила сделку с ангелом смерти, когда на скале Смерти была произнесена та самая, роковая молитва. И она ждала, когда тень прошлого вернётся, когда Азраэль явится за тем, что принадлежит ему по праву. И эта мысль жила в ней, как тихая, но неотступная тревога, которая не исчезала даже в самые светлые моменты.

Нолану было двадцать восемь лет. Он превратился в высокого, статного мужчину, в котором чувствовались и сила, и благородство, и та особенная, внутренняя красота, которая бывает у людей, прошедших через испытания и сохранивших свою душу чистой. Его волосы, тёмные, как вороново крыло, были аккуратно причёсаны, и в них, когда падал свет, угадывались те же золотистые оттенки, что и у Лии, как будто сама судьба отметила их одним знаком. Его глаза, тёмные и глубокие, как омуты, смотрели на мир с той особенной серьёзностью, которая появляется у людей, рано познавших потерю, у людей, которые видели смерть и знают цену жизни. Он был набожным, и его вера была для него не просто привычкой, а основой его жизни, тем стержнем, который держал его, когда всё остальное рушилось. Он часто проводил часы в молитвах, и его комната была наполнена образами святых и свечами, которые горели и днём, и ночью, как символ его неугасимой веры. Но его сердце, несмотря на все его молитвы, принадлежало Лие. Он любил её с того самого момента, когда впервые увидел её в колыбели, маленькую и незащищённую, с теми же тёмными глазами, которые теперь смотрели на него с такой любовью. Он любил её так сильно, что его любовь стала его проклятием, его крестом, который он нёс с достоинством, но который давил на его плечи с каждым днём всё сильнее. Он знал, что она не должна быть его. Что она для него как сестра. Что их связь была неправильной в глазах мира и в глазах тех, кто правил их жизнью, но он не мог ничего поделать с тем огнём, который горел в его душе, с той страстью, которая была сильнее рассудка, сильнее веры, сильнее всего, что он знал. Каждый день проведённый рядом с ней был для него и благословением, и мукой, потому что он знал, что это может быть последним разом, когда он видит её, и эта мысль разрывала его сердце.

Фриде было двадцать три года. Она была красивой, но в её красоте была та особая, яркая броскость, которая притягивала внимание, но не вызывала той глубокой, почти духовной привязанности, которую испытывали все к Лии. Её рыжие волосы, которые всё ещё пылали, как огонь, были непослушными и вечно растрёпанными, и на её лице, покрытом лёгкими веснушками, всегда играла хитрая улыбка, которая делала её похожей на дикую кошку, готовую в любой момент прыгнуть. Её зелёные глаза, которые когда-то были такими настороженными, теперь светились озорством и энергией, но в их глубине таилась та особенная, сдерживаемая ревность, которая не проходила с годами, а становилась только сильнее, как огонь, который питается собственным дымом. Она всё ещё любила Нолана. Она любила его с того самого момента, когда он впервые появился в их доме, маленький и испуганный, с теми же тёмными глазами, которые теперь смотрели на неё с такой холодной вежливостью. Она любила его так, как может любить только женщина, которая знает, что её любовь никогда не будет взаимной, и эта мысль, эта невыносимая правда, делала её действия всё более отчаянными и непредсказуемыми. Она пыталась быть похожей на Лию, пыталась привлечь его внимание, но всё было

напрасно. И эта ненависть, смешанная с любовью, становилась её сутью, её проклятием, её единственным смыслом.

Отношения между тремя взрослыми детьми были сложными, как никогда. Нолан и Лия проводили много времени вместе, и их близость была очевидна для всех. Они гуляли по саду, держась за руки, и их разговоры были такими же естественными, как дыхание. Они читали книги, сидя под старым дубом, и их голоса, тихие и спокойные, смешивались с шумом ветра.

Они разговаривали о жизни и о смерти, о вере и о сомнениях, о том, что будет после, и о том, что было до. Нолан учил её молитвам, а она учила его видеть то, что скрыто от глаз обычных людей, и в этом обмене знаниями была та особенная, глубокая связь, которая была сильнее любых слов. Их любовь была тихой, но глубокой, как река, которая течёт под землёй, невидимая, но могущественная, и эта любовь была их тайной, их счастьем и их проклятием.

Фрида же чувствовала себя всё более и более одинокой. Она видела, как Нолан смотрит на Лию, и её сердце разрывалось от боли, как будто его пронзали тысячи игл. Она пыталась привлечь его внимание, пыталась быть похожей на Лию, но всё было напрасно. Нолан был вежлив и добр к ней, но в его глазах не было того огня, который загорался, когда он смотрел на Лию. И эта мысль, эта невыносимая правда, становилась для Фриды всё более невыносимой, превращаясь в ту самую тьму, которая в конце концов поглотила её.

Маккена, наблюдая за этой драмой, чувствовала, как страх сжимает её сердце. Она знала, что любовь Нолана к Лии не была случайной, что она была связана с той ночью на скале Смерти, с той сделкой, которая изменила всё. И она знала, что должна что-то сделать, чтобы разлучить их, чтобы защитить Лию от той тени, которая витала над ней. Она не могла позволить этой любви разрушить их семью, не могла позволить прошлому вернуться и уничтожить всё, что она построила.

И в один из вечеров, когда солнце клонилось к закату, и его последние лучи, золотые и тёплые, проникали сквозь ветви старых дубов, окрашивая сад в те особенные, прощальные тона, которые бывают только перед ночью, Маккена приняла решение. Она чувствовала, как его тяжесть давит на неё, как камень, который она должна была сбросить с души, даже если это означало причинить боль тому, кого она любила как сына. Она позвала Нолана в свою комнату, и когда он вошёл, она увидела в его глазах тот же вопрос, который мучил его последние годы, ту же надежду, которую он так отчаянно пытался сохранить.

— Нолан, — сказала она, и голос её был мягким, но твёрдым, как сталь, обёрнутая в шёлк, — я должна сказать тебе кое-что. Я хочу, чтобы ты уехал. В Боббио. На несколько лет. Чтобы учиться. Чтобы найти свой путь.

Нолан побледнел. Его лицо, всегда такое спокойное и уверенное, теперь стало бледным, как полотно, и в его глазах, тёмных и глубоких, зажглась та боль, которую он не мог скрыть.

— Но почему, Госпожа? — спросил он, и его голос дрожал, как струна, которая вот-вот оборвётся. — Зачем вы отправляете меня? Я не хочу уезжать. Я хочу быть здесь, с вами, с Лией. Это мой дом.

Маккена долго молчала, глядя на него. В её душе боролись любовь и страх, материнская забота и желание защитить свою дочь любой ценой. Она видела его страдания, но знала, что должна быть твёрдой, что только так она сможет спасти их всех.

— Потому что, — сказала она наконец, и её голос был тихим, но в нём слышалась та особенная, непреклонная решимость, — это правильно. Ты должен найти свой путь, Нолан. Ты должен понять, кто ты есть. Ты не можешь оставаться здесь вечно. Это не может быть плохо.

Нолан хотел возразить, хотел сказать, что его путь — это Лия, что он не сможет жить без неё, что Боббио станет для него тюрьмой. Но Маккена подняла руку и остановила его, и в её взгляде было столько боли и решимости, что он невольно замолчал.

— Не спорь, — сказала она. — Ты уедешь. Это моё решение. И я прошу тебя не оспаривать его.

Когда Нолан вышел из комнаты, его шаги были тяжёлыми, как у человека, который несёт на своих плечах непосильную ношу. Маккена осталась одна. Она смотрела на закат, окрасивший небо в золотые и багряные тона, и чувствовала, как её сердце разрывается на части. Она знала, что причиняет боль тому, кто был ей почти как сын, но она также знала, что у неё нет выбора. Она должна была защитить Лию. Даже ценой счастья других. Даже ценой своей собственной совести.

И в этот момент, когда последние лучи солнца исчезли за горизонтом, и сад погрузился в мягкие, сумеречные тени, Маккена позволила себе заплакать — тихо, беззвучно, как плачут только те, кто давно забыл, что такое лёгкие слёзы. Она плакала о Нолане, о Лие, о Фриде, о себе, о том, что могло бы быть, и о том, что никогда не будет. Она плакала о любви, которую должна была разрушить, и о счастье, которое никогда не наступит. И в этом плаче была вся её жизнь — вся её боль, вся её надежда, вся её любовь.

Глава 2. «Неразлучные тени»

Было что-то неизбежное в том, как Нолан и Лия находили друг друга каждый день, словно две реки, которые, однажды встретившись, уже не могли течь порознь. С самого детства, когда Лия только начала ходить, а Нолан уже был серьёзным мальчиком, который держал её за руку, боясь, что она упадёт, между ними установилась та особенная, неразрывная связь, которую невозможно объяснить словами. Она была глубже, чем дружба, чище, чем влюблённость, и сильнее, чем братская привязанность. Это было нечто иное — то, что не имело названия, но ощущалось каждой клеткой их тел, каждым вздохом, каждым взглядом, каждым биением сердца, которое, казалось, билось в унисон, даже когда они находились в разных концах поместья.

Они проводили вместе почти всё время. Когда утреннее солнце только начинало золотить верхушки деревьев, и первые лучи его, робкие и ещё холодные, проникали сквозь туман, окутывающий сад, Лия уже выходила из дома, и её шаги, лёгкие и бесшумные, были первым звуком, который нарушал тишину. Она почти всегда находила Нолана на его любимой скамье у старого дуба, который стоял на краю сада, у самого ручья. Это было их место — то, которое они считали своим, где ветер шептал им свои тайны, а вода, журча, рассказывала истории, которые никто больше не слышал.

Он сидел с книгой в руках — чаще всего это были священные тексты, которые он изучал с особым благоговением, или старые манускрипты, которые Меер присылал ему из Боббио. Его пальцы, длинные и тонкие, перелистывали страницы с той особенной, почтительной нежностью, с которой обращаются с чем-то священным. Но когда она появлялась, он всегда поднимал глаза и улыбался той улыбкой, которая была только для неё — тёплой, искренней, полной той любви, которую он не мог выразить словами. В этой улыбке было столько света, что у Лии каждый раз перехватывало дыхание, и она чувствовала, как её сердце, такое маленькое и трепетное, начинает биться быстрее.

— Ты сегодня рано, — говорил он, откладывая книгу и освобождая для неё место на скамье. Его голос был низким и мягким, как бархат, и в нём слышалась та особенная, тихая радость, которая бывает только у людей, которые ждали встречи и дождались.

— Я не могла спать, — отвечала она, садясь рядом, так близко, что чувствовала тепло его тела, исходящее через ткань его одежды. — Мне снился странный сон. Опять.

Он не переспрашивал, не пытался утешить её обычными словами, которые ничего не значат. Он просто клал свою руку поверх её руки, и его пальцы, сильные и тёплые, сжимали её ладонь с той бережной, почти невесомой силой, которая была ему свойственна. В этом прикосновении было больше смысла, чем в любых словах. Она чувствовала, как его спокойствие, его тихая, глубокая вера передаются ей, успокаивая ту тревогу, которая часто просыпалась в ней по ночам, когда видения становились слишком яркими и пугающими.

— Расскажи мне, — говорил он, и она рассказывала.

Она рассказывала ему о своих видениях — о тех прозрачных фигурах, которые приходили к ней в темноте и говорили с ней голосами, похожими на шёпот ветра. Она описывала их лица, которые были то знакомыми, то чужими, то прекрасными, то уродливыми, но всегда — не от мира сего. Она рассказывала о том, что чувствовала, когда они касались её — их

прикосновения были холодными, как лёд, но в этом холоде не было зла, только та особенная, щемлящая грусть, которую она не могла объяснить словами. Она рассказывала о том, что иногда, когда она просыпалась среди ночи, она видела их стоящими у её кровати, и они смотрели на неё с той тихой, бесконечной тоской, которая бывает у тех, кто уже не может вернуться.

Она рассказывала о том, что слышала голоса, которые звали её по имени, и что эти голоса были такими знакомыми, что у неё сжималось сердце. Она чувствовала, что они что-то хотели от неё, что-то важное, но не могли сказать это словами, потому что слова принадлежали миру живых, а они уже были за его пределами. Она чувствовала, что кто-то ждёт её, кто-то, кто знает её тайну, и что этот кто-то терпеливо ждёт, когда она будет готова.

И Нолан слушал её, не перебивая, не пытаясь объяснить или отговорить. Он просто был рядом, и этого было достаточно. Его присутствие, его тихое дыхание, его рука, сжимающая её ладонь, — всё это создавало тот особенный, защищённый мир, в котором она могла быть собой, не боясь осуждения или непонимания.

— Ты не боишься, что я сошла с ума? — спросила она однажды, когда они сидели под старым дубом, и ветер играл с её волосами, разбрасывая их по плечам, как тёмный шёлк. Её голос был тихим, в нём звучала та неуверенность, которая появлялась у неё только в самые откровенные моменты.

— Нет, — ответил он, и в его голосе была такая уверенность, что она невольно улыбнулась. — Ты не сошла с ума. Ты просто видишь то, чего не видят другие. Это не проклятие, Лия. Это дар. Даже если ты пока не понимаешь, зачем он тебе дан.

Она посмотрела на него, и в её глазах, тёмных и глубоких, появилась та искра надежды, которую она боялась впускать в своё сердце.

— Ты правда так считаешь? — спросила она, и в её голосе была та детская доверчивость, которая иногда пробивалась сквозь взрослую серьёзность.

— Я знаю это, — сказал он. — Так же, как я знаю, что солнце взойдёт завтра утром. Так же, как я знаю, что я люблю тебя, и что эта любовь сильнее любой тьмы.

Они часто ходили в часовню, стоявшую на краю сада. Она была маленькой, сложенной из старого серого камня, который за многие годы покрылся мхом и лишайниками, придавая ей вид древнего, затаившегося зверя. Внутри пахло сыростью, ладаном и тем особым запахом времени, который бывает только в местах, где веками хранились молитвы и слёзы. Нолан любил это место, чувствуя в нём присутствие той высшей силы, которой он посвятил свою жизнь. Лия приходила туда вместе с ним, и хотя она не была столь набожна, как он, в этих стенах, среди света свечей и запаха ладана, она чувствовала себя защищённой.

Иногда она стояла рядом с ним на коленях, и её взгляд скользил по образам святых, которые смотрели на неё с высоты, и ей казалось, что они знают о ней больше, чем она сама. Они знали её тайны, её страхи, её надежды, и они не осуждали её. Они просто смотрели на неё с той бесконечной, терпеливой любовью, которая была сильнее времени и смерти.

— О чём ты молишься? — спросила она однажды, когда он закончил свою молитву и поднял глаза к алтарю.

Он повернулся к ней, и в его глазах, тёмных и глубоких, она увидела ту же любовь, которую видела каждый день, но теперь она была смешана с болью. Его лицо было спокойным, но его глаза говорили о том, что он не может скрыть.

— Я молюсь о тебе, — сказал он тихо, и его голос был таким же мягким, как шёпот свечей. — Я молюсь, чтобы ты была в безопасности. Чтобы тьма, которая преследует тебя, никогда не коснулась твоей души. И чтобы Господь дал мне силы защитить тебя.

Лия почувствовала, как её сердце сжалось. Она хотела что-то сказать, но слова застряли в горле. Вместо этого она протянула руку и коснулась его щеки. Её пальцы, тонкие и прохладные, скользнули по его коже, и он закрыл глаза, чувствуя это прикосновение как благословение, как тот самый свет, который он так отчаянно искал в своих молитвах.

— Ты всегда защищаешь меня, Нолан, — сказала она, и её голос был таким же тихим, как его. — С самого детства. Но кто защитит тебя?

— Ты, — ответил он, открывая глаза и глядя на неё с той особенной, почти благоговейной нежностью, которую он испытывал только к ней. — Ты защищаешь меня, сама того не зная. Когда я с тобой, я не боюсь ничего. Ты — мой свет, моя вера, моя надежда.

Их отношения не были похожи на обычную любовную историю. В них не было той страстной, бурной влюблённости, которая часто описывается в романах, с её пылкими признаниями и головокружительными обещаниями. Их любовь была тихой, глубокой, как море, которое кажется спокойным на поверхности, но в его глубине скрыта огромная сила. Они могли сидеть рядом часами, не говоря ни слова, и этого молчания было достаточно, чтобы чувствовать себя счастливыми. Они понимали друг друга без слов, чувствовали настроение друг друга на расстоянии, и эта связь была настолько сильной, что иногда казалась почти мистической.

Лия часто думала о том, что было бы, если бы она не встретила Нолана. Если бы его не привёз Никанор из разрушенного Фарда, когда он был маленьким, испуганным мальчиком, который смотрел на мир с недоверием и страхом. Если бы он не вошёл в их дом, не начал понемногу оттаивать, находя в ней ту теплоту, которой он был лишён. Она не могла представить свою жизнь без него. Он был её опорой, её утешением, её другом. И она знала, что любит его. Любит так, как может любить только женщина, которая нашла родственную душу.

Но она не говорила ему об этом. Она боялась, что если произнесёт эти слова вслух, то что-то изменится. Что их идеальная, почти неземная гармония разрушится, столкнувшись с грубой реальностью. Она боялась, что он не ответит ей тем же, или что, если ответит, это приведёт к последствиям, с которыми они не смогут справиться.

Однако она чувствовала, что его любовь к ней не была просто братской. Она видела это в его глазах, когда он смотрел на неё. Она чувствовала это в его прикосновениях, когда он случайно касался её руки. Она знала это по тому, как его голос становился мягче, когда он говорил с ней, и как его лицо озарялось, когда она входила в комнату. Она знала это по тому, как он защищал её, даже когда она не просила, как он стоял между ней и любой угрозой, как он был готов отдать за неё свою жизнь.

— Нолан, — сказала она однажды, когда они шли по саду, и вечерний ветер, прохладный и благоухающий, играл с их волосами, принося запах увядающих роз и мокрой земли, — что бы ты делал, если бы нас разлучили?

Он остановился и посмотрел на неё так, как будто она задала самый важный вопрос в его жизни. Его лицо стало серьёзным, почти суровым, и в его глазах зажглась та особенная, твёрдая решимость, которую она видела только в самые важные моменты.

— Я бы искал тебя, — ответил он, и в его голосе была такая уверенность, что у неё перехватило дыхание. — Где бы ты ни была, я бы нашёл тебя. Никакие стены, никакие расстояния, никакие силы не смогли бы нас разлучить. Я верю в это. Я верю в нашу любовь.

Лия почувствовала, как слёзы наворачиваются на её глаза. Она хотела обнять его, прижаться к нему, чувствовать, как его руки обнимают её, защищая от всего мира. Она хотела сказать ему, что любит его, что никогда не сможет полюбить другого. Но она сдержалась. Вместо этого она просто улыбнулась и сказала:

— Я тоже верю в это.

И они пошли дальше, плечом к плечу, две неразлучные тени, которые, казалось, были созданы друг для друга. Их шаги были тихими, их дыхание было ровным, и только ветер, пробегающий по верхушкам деревьев, знал их тайну.

Но в глубине души Лия чувствовала, что их идиллия не может длиться вечно. Она чувствовала, как тени сгущаются вокруг них, как что-то приближается — что-то, что изменит их жизнь навсегда. И она боялась этого дня, боялась того момента, когда им придётся столкнуться с реальностью, которая была сильнее их любви.

А Нолан, глядя на неё, чувствовал то же самое. Он знал, что мир не будет благосклонен к ним. Он знал, что есть силы, которые хотят разлучить их. Но он также знал, что его любовь к ней была сильнее любого препятствия. И он был готов бороться за неё. До самого конца.

Глава 3. «Яблоко раздора»

Фрида наблюдала за ними из окна своей комнаты, и её сердце, маленькое и горячее, наполнялось той особенной, жгучей ревностью, которая росла в ней с каждым годом, с каждым днём, с каждым мгновением, проведённым в этом доме.

Она видела, как Нолан и Лия гуляют по саду, держась за руки, как они смеются, глядя друг на друга, как они останавливаются под старым дубом и смотрят в глаза друг другу. Она видела, как Нолан поправляет волосы Лии, когда ветер разбрасывает их по плечам, как он подаёт ей руку, когда она переступает через ручей, как он смотрит на неё с той нежностью, которую никогда не дарит ей. Фрида видела всё это, и в её груди разрасталось то холодное, острое чувство, которое не давало ей покоя ни днём, ни ночью, превращая её жизнь в непрерывную пытку.

Она любила Нолана. Любила так сильно, что эта любовь стала её одержимостью, её смыслом жизни, её единственным желанием. Она любила его с того самого момента, когда он впервые появился в их доме, маленький, испуганный, с тёмными глазами, полными недоверия и боли. Она помнила, как он сидел на полу у трона Флегонта, привязанный верёвкой, и как она, маленькая девочка, смотрела на него и чувствовала, что он не должен быть один. Она подошла к нему, когда Никанор привёз его в поместье, и протянула ему свою руку. И когда он взял её, она почувствовала, как что-то изменилось в её душе.

С тех пор она любила его. Она любила его так, как может любить только женщина, которая знает, что её любовь никогда не будет взаимной. Она видела, как он растёт, как он становится серьёзным, набожным, как он находит утешение в вере и молитве. И она хотела быть частью этого мира, хотела быть той, кто разделит с ним его путь. Она пыталась быть похожей на Лию — мягкой, доброй, загадочной. Она пыталась говорить с ним о вере, о книгах, о том, что его интересовало. Она училась молитвам, которые он читал, и старалась быть такой же набожной, как он. Но всё было напрасно. Нолан был вежлив и добр к ней, но в его глазах не было того огня, который загорался, когда он смотрел на Лию. Он никогда не смотрел на неё так, как смотрел на Лию. И это была та правда, которую она не могла принять, та рана, которая никогда не заживала.

Она начала строить мелкие козни. Сначала это были невинные шалости, которые можно было списать на детскую неловкость или случайность. Она «случайно» проливала вино на платье Лии, когда та собиралась на прогулку с Ноланом, и смотрела, как Лия, расстроенная, возвращается в свою комнату, чтобы переодеться. Она прятала её книги, те самые, которые Нолан дарил ей, зная, что Лия будет искать их и волноваться. Она говорила слугам, что Лия не хочет, чтобы её беспокоили, когда та на самом деле ждала гостей, и смотрела, как Лия остаётся одна, не понимая, почему никто не пришёл. Эти шалости приносили ей удовлетворение, но оно было недолгим — слишком маленьким, чтобы утолить ту жгучую ненависть, которая росла в её душе.

Но со временем её проделки становились всё более изощрёнными и злыми. Она начала распускать сплетни, говорить слугам, что Лия слишком высокомерна, что она считает себя лучше всех из-за своей необыкновенной красоты. Она шепталась с соседями, намекая, что Лия не та, за кого себя выдаёт, что её связь с Ноланом неправильна и позорна. Она говорила Нолану, что Лия флиртует с другими молодыми людьми, когда он не видит, что она не верна ему, что она не та, кого он так отчаянно любит. Она лгала, изворачивалась, плела паутину лжи, и каждая её ложь была как удар ножа, который должен был разрушить их счастье.

Но Нолан не верил ей. Он видел Лию каждый день, и он знал, что Фрида лжёт. Его любовь к Лии была слишком сильна, чтобы её можно было разрушить пустыми сплетнями. Он смотрел на Фриду с той тихой, спокойной печалью, которая была страшнее любых упреков.

— Почему ты так поступаешь? — спросила однажды Лия, когда они остались вдвоём после того, как Фрида «случайно» разбила её любимый гребень, подаренный Маккенной, гребень из слоновой кости, который был памятью о её матери. — Что я сделала тебе?

Фрида посмотрела на неё, и в её глазах была та особенная, ледяная нотка, которая появлялась у неё, когда она чувствовала себя униженной. Её лицо, всегда такое живое и озорное, стало холодным и жёстким, как камень.

— Ничего, — сказала она, и её голос был как лёд. — Ты просто... всегда была лучше меня. Красивее, умнее, добрее. Все любят тебя. Все. Даже Нолан. А я... я всегда буду в твоей тени.

Лия хотела возразить, хотела сказать, что она не виновата в том, что люди любят её, что она не просила у них этой любви. Она хотела обнять Фриду, сказать ей, что они сёстры, что они всегда должны быть вместе. Но она понимала, что любые слова будут бесполезны. Фрида была слишком поглощена своей ревностью, чтобы услышать что-либо. Она была как слепой, который отказывается видеть, и как глухой, который отказывается слышать.

И тогда Лия почувствовала, как внутри неё просыпается что-то холодное и тревожное. Она чувствовала, что эта маленькая, казалось бы, невинная ревность может привести к чему-то гораздо более страшному. Чувствовала, что тени, которые она видела каждый день, сгущаются вокруг неё и что-то приближается. Что-то, что изменит их жизнь навсегда.

Она стояла у окна, глядя на сад, где Нолан сидел на своей любимой скамье, и чувствовала, как её сердце бьётся быстрее. Она знала, что Фрида не остановится. Она знала, что её ревность будет только расти, как болезнь, которая пожирает всё на своём пути. И она знала, что эта болезнь может уничтожить всё, что ей дорого.

Она закрыла глаза и прошептала молитву — ту самую молитву, которой её научил Нолан. Но слова, которые она произносила, казались ей пустыми, лишёнными силы. Она чувствовала, что тьма, которая витала над ними, была сильнее любой молитвы. И она боялась того, что должно было случиться.

А Фрида, стоя в своей комнате, смотрела на неё через окно, и в её глазах горел тот холодный, ледяной огонь, который уже начал пожирать её душу. Она не знала, что её ревность приведёт к трагедии, которая изменит жизнь всех, кто был ей дорог. Она знала только одно: она не позволит Нолану быть с Лией. Никогда.

Глава 4. «Прощание у алтаря»

Фрида никогда не считала себя злой. Она считала себя справедливой. Справедливой к себе, к той боли, которую носила в сердце уже столько лет, к той несправедливости, которую, как ей казалось, сама судьба обрушила на неё. Каждый раз, когда она видела, как Нолан смотрит на Лию, ей казалось, что её грудь пронзают тысячи игл, острых и холодных, которые оставляют в её душе кровоточащие раны, не заживающие никогда. Каждый раз, когда он улыбался Лии той особенной улыбкой, которую никогда не дарил ей, она чувствовала, как внутри неё закипает что-то тёмное и горячее, что требовало выхода, что толкало её на поступки, о которых она сама потом жалела, но не могла остановиться. И она давала этому выход. Исподволь, незаметно, так, чтобы никто не мог обвинить её напрямую, чтобы она всегда могла сказать: «Это не я, это случайность».

Всё началось с мелочей. Сначала Фрида просто переставляла вещи в комнате Лии — её любимую книгу, ту самую, с кожаным переплётом и золотым тиснением, которую Нолан подарил Лии на её шестнадцатилетие, клала на самое высокое место, куда та не могла дотянуться без посторонней помощи. Гребень, подаренный Маккеной, убирала в самый дальний ящик, где его нельзя было найти, и смотрела, как Лия ищет его, волнуется, расстраивается. Любимое украшение, то самое ожерелье, которое носила ещё бабушка Лии, она прятала под подушку, зная, что Лия будет искать его и переживать, думая, что потеряла семейную реликвию. Это были невинные шалости, которые можно было объяснить неловкостью или забывчивостью. Но когда Лия начала замечать, что вещи пропадают слишком регулярно, слишком подозрительно, она начала подозревать неладное.

— Фрида, — сказала она однажды, когда они остались вдвоём в саду, и вечернее солнце, клонящееся к закату, золотило её волосы, делая их похожими на реку из расплавленного золота, — ты не знаешь, куда пропало моё ожерелье? То, которое мне подарила мама. Я искала его везде, но не могу найти.

Фрида подняла на неё свои зелёные глаза, и в них, за той притворной невинностью, которую она так хорошо научилась изображать, скрывалась холодная усмешка, ледяная и беспощадная. Она смотрела на Лию и чувствовала, как её сердце наполняется удовлетворением от того, что она может причинить ей боль.

— Ожерелье? — переспросила она, и голос её звучал так искренне, что Лия на мгновение усомнилась в своих подозрениях. — Я не видела его. Может быть, ты забыла, куда положила его? Ты всегда такая рассеянная, Лия. Ты не замечаешь, что происходит вокруг тебя, потому что ты всегда витаешь в облаках, смотришь на что-то, чего никто не видит.

Лия хотела возразить, но промолчала. Она не хотела ссориться, не хотела верить, что Фрида способна на такую мелочную жестокость. Но в её душе зародилась та тихая, тревожная искра, которую она не могла погасить, как бы ни старалась. Она чувствовала, что что-то было неправильно, что Фрида, которая когда-то была её сестрой, теперь становилась чужой, и эта чуждость пугала её.

Фрида не остановилась на этом. Она начала действовать более изощрённо, более жестоко. Она начала говорить слугам, что Лия не любит, когда её беспокоят, что ей нужно много времени на молитвы и размышления, и те, веря ей, перестали заходить в её комнату утром, остав-

ляя её без завтрака, без утреннего приветствия. Она начала шептаться с поварами, и те стали подавать Лии блюда, которые та не любила, делая вид, что забыли о её предпочтениях. Она даже умудрилась подменить письма, которые Лия отправляла подругам в соседние поместья, так что те перестали отвечать, обидевшись на мнимые оскорбления, которые якобы содержались в её посланиях.

Но настоящая буря началась, когда Фрида решила действовать напрямую. Она знала, что Нолан каждое утро ходит в часовню, чтобы помолиться перед тем, как начать день. Знала, что Лия иногда присоединяется к нему, но не всегда — особенно когда просыпалась позже из-за своих ночных видений, которые мучили её всё чаще и становились всё более реалистичными. Фрида ждала такого утра и, дождавшись, подготовила свою самую изощрённую ловушку.

В то утро Лия проспала дольше обычного. Она снова видела сны — странные, тревожные образы, в которых кто-то звал её из темноты, и она не могла понять, кто это. Голос был знакомым, но она не могла вспомнить, кому он принадлежал. Он был тихим, как шёпот, но в нём слышалась такая тоска, что у неё сжималось сердце. Она проснулась с чувством тревоги, которое не проходило, и долго сидела на кровати, пытаясь понять, что это был за сон. Фрида, поднявшись рано, пробралась в комнату Лии и подменила её платье — вместо светлого, которое Лия всегда надевала для посещения часовни, она оставила тёмное, почти чёрное, и повесила на него старую, потускневшую брошь, которая когда-то принадлежала их бабушке и которую никто не носил уже много лет. Сама Фрида надела своё лучшее платье — зелёное, под цвет её глаз, с золотым поясом, который Нолан когда-то похвалил, и отправилась в часовню, оставляя после себя тонкий, едва уловимый аромат духов, которые она знала, что Нолан любит.

Когда Нолан поднял глаза и увидел Фриду, входящую в часовню, он невольно нахмурился. Он ждал Лию. Он всегда ждал Лию. Его сердце, которое обычно билось ровно и спокойно в этом святом месте, вдруг начало биться быстрее, предчувствуя что-то неладное.

— Фрида, — сказал он, и голос его был прохладным, хотя он старался звучать приветливо, — что ты здесь делаешь? Ты пришла помолиться?

— Я пришла помолиться, — ответила Фрида, опускаясь на колени рядом с ним, и её движения были такими грациозными, что Нолан невольно задержал на них взгляд. Она была красива в своём зелёном платье, её рыжие волосы были аккуратно убраны, и она выглядела так, как будто пришла на праздник, а не в часовню. — Я не знала, что ты здесь. Хотя, наверное, должна была. Ты всегда здесь в это время. Ты такой набожный, Нолан. Я всегда восхищалась этим в тебе.

Нолан ничего не ответил. Он закрыл глаза и начал читать молитву, пытаясь сосредоточиться на словах, но мысль о Фриде, которая была рядом, мешала ему. Он чувствовал на себе её взгляд — жадный, горячий, полный того, что он не хотел замечать, что он не мог принять. Он чувствовал, как её присутствие нарушает ту тишину, которую он так ценил в этом месте.

— Ты ждёшь Лию? — спросила Фрида, и её голос был таким невинным, что Нолан невольно открыл глаза и посмотрел на неё.

— Да, — ответил он коротко. Его голос был твёрдым, но в нём слышалась та лёгкая тревога, которую он не мог скрыть.

— Она сказала, что не придёт сегодня, — сказала Фрида, и в её голосе появилась та особая нотка, которую она научилась использовать, чтобы звучать убедительно. — Она устала.

Снова эти сны. Ты знаешь, она не может справиться с ними. Я боюсь, что они становятся слишком сильными для неё. Я боюсь, что они могут сломать её.

Нолан почувствовал, как тревога сжимает его сердце. Он знал о снах Лии, знал, что они мучают её, и чувствовал себя беспомощным, потому что не мог защитить её от них. Он знал, что её дар — это не просто дар, но и проклятие, которое она несёт в себе, и что это проклятие было связано с той ночью, когда Маккена заключила сделку с Азраэлем. Он знал, что Лия видит мёртвых, и что эти видения становятся всё более реальными и пугающими.

— Она ничего не говорила мне об этом, — сказал он, и голос его был обеспокоенным. — Я бы хотел, чтобы она рассказала мне.

— Она не хотела тебя беспокоить, — ответила Фрида, и её рука легла на его руку — лёгкое, почти невесомое прикосновение, которое он не мог оттолкнуть, не будучи грубым. — Но я думаю, что ей нужно время. Чтобы разобраться в себе. Чтобы понять, что она хочет. Возможно, она не готова к тому, что ты предлагаешь ей. Возможно, она не уверена, что твоя любовь — это то, что ей нужно.

Нолан хотел возразить, но в этот момент дверь часовни открылась, и на пороге появилась Лия. На ней было тёмное платье, которое делало её бледной и уставшей, а старую, потускневшую брошь она явно надела случайно, не заметив, что та не подходит к её наряду. Её волосы были небрежно убраны, и в её глазах читалась та усталость, которая появляется после бессонной ночи, когда сны смешиваются с явью и невозможно понять, где заканчивается одно и начинается другое.

Фрида, увидев Лию, быстро убрала руку с руки Нолана и поднялась с колен. Её лицо, всего мгновение назад такое невинное и мягкое, теперь выражало удивление и лёгкую тревогу, которые были так хорошо разыграны, что Нолан невольно поверил ей.

— Лия, — сказала она, и голос её звучал так искренне, что Нолан не мог сомневаться в её словах, — ты пришла. Я думала, что ты останешься в своей комнате. Ты выглядишь такой уставшей. Ты уверена, что тебе стоит быть здесь?

— Я передумала, — ответила Лия, и её голос был ровным, хотя в нём чувствовалась усталость, которая делала его тихим и приглушённым. — Я хотела помолиться.

Она вошла в часовню, и её взгляд упал на Фриду, стоящую рядом с Ноланом. В этом взгляде мелькнула тень сомнения, но она быстро подавила её. Она не хотела верить в то, что Фрида могла делать что-то за её спиной. Она не хотела верить, что её сестра могла быть способна на предательство.

Но Фрида знала, что её слова достигли цели. Она видела, как Нолан смотрел на Лию, и в его взгляде была не только любовь, но и тревога. Она знала, что посеяла сомнение, и этого было достаточно. Она знала, что сомнение, как сорняк, может разрастись и уничтожить даже самую сильную любовь.

На следующий день Фрида отправилась к Маккене. Она вошла в её комнату с опущенной головой и глазами, полными слёз, которые были такими искусными, что даже она сама почти верила в их искренность. Она стояла перед Маккеной, и её голос дрожал, как у человека, который говорит правду, но на самом деле плетёт паутину лжи.

— Госпожа, — сказала она, и её голос дрожал, — я должна сказать вам кое-что. Это касается Лии и Нолана.

Маккена, которая в этот момент перебирала старые письма, подняла глаза. В её взгляде была тревога, которую Фрида научилась распознавать с годами. Она видела, как страх и любовь борются в глазах Маккены, и знала, что этот страх можно использовать.

— Что случилось? — спросила она, и голос её был твёрдым, хотя внутри всё сжималось от страха.

— Я видела их вчера, — сказала Фрида, и её слёзы потекли по щекам, такими искренними, что Маккена не могла сомневаться в их правдивости. — Они стояли в часовне, и Нолан держал её за руки. Он говорил ей, что любит её. Я не хотела вмешиваться, но я подумала, что вы должны знать. Их связь становится... слишком глубокой. Лия боится сказать вам об этом, но я не могу молчать, видя, как это может разрушить нашу семью.

Маккена почувствовала, как холод пробегает по её спине. Она знала, что любовь Нолана к Лии не была случайной, но она не хотела верить, что всё зашло так далеко. Она не хотела признавать, что её страхи, её опасения, которые она так долго подавляла, теперь становились реальностью. Она чувствовала, как её сердце разрывается на части, и знала, что должна действовать.

— Спасибо тебе, Фрида, — сказала она, и голос её был усталым. — Ты поступила правильно, сказав мне.

Когда Фрида вышла из комнаты, Маккена долго сидела неподвижно, глядя в окно на сад, который когда-то был для неё убежищем. Она смотрела на старые дубы, на цветущие розы, на фонтан, который журчал вдалеке, и чувствовала, как её душа наполняется той тихой, ледяной решимостью, которая появляется у людей, когда они должны сделать что-то, что причинит боль другим, но что необходимо для их спасения. Она знала, что должна разлучить их, пока не стало слишком поздно. Должна защитить Лию, даже если это означает разрушить счастье Нолана. Должна сделать выбор между двумя людьми, которых она любила, и выбрать того, кто был ей ближе.

В тот же день она призвала Нолана к себе. Он вошёл в её комнату, и его лицо было спокойным, но в его глазах она увидела ту же тревогу, которую чувствовала и сама. Он знал, что что-то должно произойти. Он знал, что их время истекает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.